

УДК 341

DOI 10.55346/27825647_2023_1_32

Гаджиев Х. И.

*заведующий отделом судебной практики и правоприменения,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
судья Европейского суда по правам человека в 2003–2017 гг.,
доктор юридических наук, г. Москва, Россия*

© 2023

*Дата приема:
20.05.2022*

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Право на справедливое судебное разбирательство занимает настолько важное место в демократическом обществе, что Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно в своих решениях высказывался об отсутствии оснований для ограничительного толкования статьи 6 Европейской конвенции по правам человека. Благодаря гарантиям статьи 6 ЕСПЧ последовательно подчеркивает необходимость обеспечения в практике национальных судов принципов независимости и беспристрастности, состязательности и равенства сторон, презумпции невиновности. Данная норма настолько всеобъемлющая, охватывающая самые разные аспекты правосудия, что именно ей посвящены многие решения ЕСПЧ.

Ключевые слова: *права человека; Европейский суд по правам человека; ЕСПЧ; справедливое судебное разбирательство; судебное решение.*

В большинстве жалоб, поступающих в адрес Европейского суда по правам человека, заявители указывают на нарушения их прав по ст. 6 Европейской конвенции по правам человека (далее — Конвенция). Вместе с тем следует учесть, что гарантия справедливого судебного разбирательства относится к разряду процессуальных, предназначенных обеспечить в большей степени процессуальную справедливость. Суд интерпретирует требования справедливости не просто как необходимость баланса процессуальных возможностей между вовлеченными в процесс субъектами, но и как признание этого принципа отражением процессуального равенства сторон, состязательности. Он относится к Конвенции как к «живому инструменту» и постоянно обращается к динамичному толкова-

нию ее норм с целью развития института прав человека и повышения эффективности судебной практики.

Европейский суд по правам человека (далее — Суд), на наш взгляд, сыграл важную роль в области эволюции гражданского и уголовного судопроизводства по трем основным причинам. Во-первых, он всегда стремился правильно расставить акценты в сложной проблеме, суть которой — в существующих различиях систем права: континентальная система основывает свое процессуальное право на так называемой обвинительной модели, а не на состязательной, как это построено в системе общего права. В своих решениях Суд остро критиковал правовые системы Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии за их общую черту — отсутствие беспристрастности, недостаточную транспарентность досудебной стадии и выполнение большинства процессуальных функций одними и теми же лицами на различных стадиях судебного разбирательства. Суд активно выстраивал новую «модель участия», которая должна занять свое место между двумя классическими формами. Изложенное напоминает нам сами процедуры, которыми руководствуется Европейский суд по правам человека, представляя собой классическое отражение двух ведущих правовых школ. Рекомендации ЕСПЧ не всегда воспринимаются странами, так как для их учета требуются фундаментальные изменения в судебной организации. Трудно представить, что повлияло, скажем, на решение Италии в начале 90-х годов прошлого столетия принять курс, предложенный ЕСПЧ, но здесь, думается, следует воздать должное Конституционному суду Италии [9]. Во-вторых, поскольку сама Конвенция не защищает беспрепятственное владение собственностью, Суд применил расширительное толкование процессуальной гарантии по ст. 6 Конвенции, восполнив пробел таким образом. Наконец, в-третьих, акцент Суда сделан на дальнейшем развитии процессуальных гарантий.

Начиная с 1970-х годов многие ученые и судьи вложили немало труда в дело развития процессуальных прав. Сегодня с этой общей тенденцией в области усиления эффективности защиты прав человека связано укрепление судебной власти. Ведущую роль в этом тренде продолжает играть ЕСПЧ. Но путь этот не простой и порой противоречивый.

Обратимся к позиции самого Суда, который считает, что право на справедливое судебное разбирательство должно сохранять свое практическое значение и быть эффективным.

Так, статья 6 §1 требует доступа к адвокату, как правило, с первого допроса подозреваемого полицией, если только не продемонстрировано в свете конкретных обстоятельств каждого дела наличие значимых причин для ограничения этого права. Даже если веские основания оправдывают отказ в доступе к адвокату в исключительных случаях, такое ограничение — независимо от оправдывающих причин — не должно наносить необоснованный ущерб правам обвиняемого в соответствии со ст. 6 Конвенции. В принципе права на защиту будут бесповоротно ущемлены, если компрометирующие показания, сделанные во время допроса в полиции без доступа к адвокату, использованы для вынесения обвинительного приговора (см. постановление ЕСПЧ по делу *Salduž v. Turkey*, § 55 [1]).

В данном постановлении Суд применил двухступенчатый тест анализа оценки ограничения доступа к адвокату: на первой, по мнению Суда, следует рассматривать убедительность причин, на второй — оценивать влияние ограничения на общую справедливость разбирательства. Позже, в деле *Beuze v. Belgium* [2], Суд отметил, что со времени дела *Salduž* судебная практика развивалась, и теперь он использует возможность еще раз подчеркнуть, что право на доступ к адвокату представляет собой один из основополагающих аспектов права на справедливое судебное разбирательство. Данное дело, по мнению Суда, позволяет уточнить, требуется ли физическое присутствие адвоката в ходе каких-либо допросов или иных следственных действий, осуществляемых в период содержания под стражей в полиции и предварительного расследования. Суд подчеркнул также, что одна из основных задач адвоката на этапах содержания под стражей в полиции и при проведении расследования заключается в обеспечении соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя. По мнению Суда, подпункт «с» пункта 3 ст. 6 Конвенции должен толковаться как гарантирующий право обвиняемых быть намеренно проинформированным о содержании права на юридическую помощь независимо от конкретных обстоятельств и возраста... Неспособность уведомить подозреваемого о таких правах в принципе не может быть оправдана. Однако если таковое случилось, то Суд должен рассмотреть, являлось ли производство по делу справедливым в целом. Суд, к сожалению, допустил, что в случае задержки доступа адвоката следственные органы сами могут уведомлять подозреваемого о всех правах.

Иными словами, в анализируемом деле Суд занял позицию, согласно которой право на справедливое судебное разбирательство сохраняется даже в ситуации, когда отсутствие веских оснований для ограничения права на доступ к адвокату (то есть отсутствие правомерной цели) совпадает с наличием общего и обязательного законодательного ограничения или полного отказа в праве на доступ к адвокату, даже если это происходит на критически важной стадии производства по уголовному делу (такой как первый допрос в полиции) и если такие показания используются для осуждения этого лица. По мнению Суда, все названные факторы могут быть уравновешены иными процессуальными гарантиями, и справедливость судебного разбирательства может быть сохранена. Между тем оставшиеся при особом мнении судьи обоснованно отметили нежелательность такого сдвига в сфере процессуальных прав, лежащих в основе принципа верховенства права.

С 1970-х годов прошлого столетия Суд также часто обращался к теме позитивных обязательств государств — членов Совета Европы по Конвенции. Он считал, что длительность разбирательства попадает в пределы таких обязательств, и возникают они из требований ст. 6 Конвенции. Представления справедливого судебного разбирательства требуют действий со стороны государства. Это означает, что каждое государство должно созидать свою судебную систему таким образом, чтобы обеспечить справедливое судебное разбирательство по гражданским и уголовным делам. В немецкой правовой школе этот институт называют организационными гарантиями (*Organisationsgarantie*). Такие гарантии должны быть установлены соответственно принципам национального права. Поэтому исследователи отмечают, что для выполнения своего обязательства по обеспечению справедливого судебного разбирательства государство должно принимать соответствующие законы.

Создание эффективной судебной системы предполагает не только ее надлежащую организацию, но и функционирование судов разных уровней. Требования Конвенции о справедливом судебном разбирательстве как раз и представляют собой необходимое условие (согласно ст. 6 Конвенции), и оно касается разумных сроков рассмотрения дел. К сожалению, не все страны выдерживают такой стандарт, который, заметим, особенно важен с точки зрения содержания и целей отправления правосудия. Поэтому Суд, как он это сделал в постановлении по делу *Bottazzi v. Italy* [7], систематически подчеркивает обязанность государства организовывать судебную систему таким образом, чтобы она отвечала требованию реализации правосудия в пределах разумных сроков. Если обратиться к опыту многих стран, в том числе Российской Федерации, можно отметить усилия не просто установить в законодательстве компенсирующие меры в ответ на длительность процедур, но и на практике организовывать свою судебную систему способом, направленным на укрепление демократического правопорядка.

Суд уделяет значительное внимание вопросам, которые переплетаются с личным участием в судебных процессах. Данная проблема имеет большое значение и для судебной практики государств, ратифицировавших Конвенцию. Некоторые постановления Суда фактически сосредоточены на двух стадиях: досудебной, когда обвиняемый должен иметь достаточные ресурсы (к примеру, время, информацию) для обоснования своей защиты, а также судебной — когда поддержание традиционных процессуальных прав может усугубиться проблемой последствий заочного осуждения обвиняемого. Важно подчеркнуть, что гарантии статьи 6 Конвенции применяются не только в судебном разбирательстве, но и в стадиях досудебных, поскольку они относятся также к следственным действиям. По мнению бывшего президента Европейской комиссии по правам человека Стефана Трекслея, статья 6 применяется к досудебной стадии относительно всех процессуальных шагов, которые имеют прямое отношение к решению по существу дела и определяют полицейское расследование как момент, с которого должны начаться эти гарантии [11].

Следует отметить, что статья 6 §3 (с) предусматривает каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления право защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника, а пункты (d) и (e) — право допрашивать свидетелей, показывающих против него, а также пользоваться услугами переводчика. К числу знаковых можно отнести постановление Суда по делу *Colozza v. Italy*, в котором Суд интерпретировал положения статьи 6 Конвенции [3], отметив, что, хотя личное участие не называется специально в §1 статьи 6, объект и цель данной статьи, взятые в целом, показывают, что обвиняемое в уголовном преступлении лицо имеет право принимать участие в слушаниях дела; осуществление прав, перечисленных в п. (с), (d) и (e), трудно представить себе без личного присутствия обвиняемого. Следовательно, Конвенция предусматривает личное участие в судебном разбирательстве как составную часть права на защиту, то есть право любого лица, обвиняемого в уголовном преступлении, на справедливое судебное разбирательство. Как видно, названная гарантия не является явной, но предполагает, что личное участие является предварительным условием для пользования минимальными правами, указанными в статье 6 §3 Конвенции.

В другом решении Суд отметил, что наличие в национальном законодательстве права быть осужденным заочно должно отвечать определенным требованиям: во-первых, лицу следует знать о самом судебном разбирательстве и соответствующих обвинениях против него. Во-вторых, отказ от осуществления гарантированного Конвенцией права должен быть установлен с достаточной определенностью, и при этом должно быть подтверждено, что лицо предвидело последствия собственного выбора. Суд в деле *Hakansson and Sturesson v. Sweden* подчеркнул, что выбор обвиняемого, отказавшегося от личного участия в судебном разбирательстве, не должен противоречить неотразимым общественным интересам [8]. Вместе с тем, если обвиняемый намеренно хочет отказаться от права на участие в разбирательстве, государства в национальном праве могут предусмотреть соответствующие санкции: крайне важно, чтобы обвиняемый явился, как с учетом его права на участие в слушаниях, так и из-за необходимости проверить точность его заявления и сравнить его с показаниями потерпевшего, чьи интересы необходимо защищать, как и свидетелей. Таким образом, законодатель должен иметь возможность препятствовать неоправданному отсутствию обвиняемого [10, с. 114]. В то же время государства вправе рассматривать в национальном праве неявку обвиняемого в качестве отказа от права и провести заочное судебное разбирательство.

В отношении апелляционных слушаний, Суд принял более ограничительный подход, постановив, что не всегда требуется участие обвиняемого при условии, что в суде первой инстанции проводились публичные слушания. Это означает, что разрешение на апелляцию и апелляционные слушания не обязательно потребует присутствия заявителя, хотя это будет частично зависеть от той роли, которую играет в государстве апелляционный суд. В деле *Ekbatani v. Sweden* Апелляционный суд был призван рассмотреть дело с точки зрения фактов и права и окончательно решить вопрос о виновности или невиновности. Апелляционный суд решил, что с учетом обстоятельств дела «этот вопрос не может, с точки зрения справедливого судебного разбирательства, быть надлежащим образом определен без непосредственной оценки доказательств, данных в отношении лица заявителем, который утверждал, что не совершал деяния, рассматриваемого в качестве преступления». Соответственно, повторное слушание Апелляционным судом обвинительного приговора, вынесенного в отношении заявителя судом первой инстанции, «должно было включать полное повторное разбирательство дела заявителя и истца» [4].

Право обвиняемого присутствовать в суде, возможно, более точно выражается как право участвовать в исследовании доказательств. Хотя Суд, похоже, признает это не с такой очевидностью. Важность присутствия обвиняемого становится явным из акцента того, имеет ли суд возможность исследовать факты или доказательства, а не просто закон [10, с. 117]

Еще на одном аспекте статьи 6 Конвенции хотелось бы остановиться подробнее, и связан он с весьма важным вопросом о статусе судей. Суд неоднократно обращался к этой теме, в особенности в рассмотренных недавних делах [5]. По смыслу статьи 6 §1 Конвенции в истолковании, данном Судом, в любом случае суд должен быть «создан на основании закона», что означает приверженность верховенству права. Очевидно, что орган, учрежденный не на основании закона, будет лишен легитимности, необходимой в демократическом обществе для рассмотрения дел

различных юрисдикций. Суд в своей практике выработал критерии такого трибунала, который, по его мнению, не обязательно должен называться судом, но обязан соответствовать им. Некоторые из этих правил содержатся в ст. 6 Конвенции: независимость, беспристрастность. Другие выведены из нее на основе интерпретации: продолжительность срока полномочий судьи; наличие гарантий, обеспечиваемых судебной процедурой; тот факт, что решение судебного органа не может быть отменено органами исполнительной власти. В последнем из упомянутых дел Суд, оценивая обстоятельства в целом, посчитал, что нарушение законодательства произошло в результате несоблюдения принципа разделения властей, поскольку рекомендация для определения судей в дисциплинарную палату для назначения главой государства была возложена на Национальный совет правосудия, которому не хватало достаточных гарантий независимости от законодательной и исполнительной власти. Изложенное, по мнению Суда, несовместимо с требованиями статьи 6 Конвенции и влияет на весь процесс, в том числе легитимности суда, состоящего из назначенных таким образом судей.

Судебный диалог — относительно новый термин, часто используемый, но не имеющий точного правового определения. Строго говоря, этот термин не является исключительно юридическим, а больше описывает поведение судов в процессе транснациональной передачи понятий. Это своего рода взаимосвязь судов различных уровней: общих, конституционных и международных, принимающих во внимание национальное и международное право и практику их применения. Диалог означает выстраивание отношений с другим правовым порядком, размышление об избранном методе толкования правовой нормы, который будет применяться в дальнейшем. Можно сказать, что это беседа с законом и интерпретатором, представляющих различные правовые культуры. В этой парадигме особое место занимают фундаментальные гарантии справедливого судебного разбирательства. Научные исследования же, на наш взгляд способствуют углубленному анализу такого взаимодействия правовых систем и укреплению эмпирической основы как залога поддержания доктринальной эволюции права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2008 г. *Salduz v. Turkey*.
2. Постановление ЕСПЧ от 9 ноября 2018 г. *Beuze v. Belgium*.
3. Постановление ЕСПЧ от 12 февраля. *Colozza v. Italy*, 1985 г., § 27.
4. Постановление ЕСПЧ от 26 мая 1988 г. *Ekbatani v. Sweden*.
5. Постановление ЕСПЧ от 1 декабря 2020 г. *Gudmundur Andri Ástráðsson v. Island*.
6. Постановление ЕСПЧ от 22 июля 2021 г. *Reczkowicz v. Poland*.
7. Постановление ЕСПЧ от 28 июля 1999 г. *Bottazzi v. Italy*.
8. Постановление ЕСПЧ от 15 июля 1987 г. *Hakansson and Sturesson v. Sweden*.
9. Fiori, B. M. *Disclosure of information in criminal proceedings*. — Wolf Legal Publishers, 2015. — P. 57.
10. Sarah Summers. *Fair trial*. Oxford and Portland, Oregon, 2007. — P. 114.
11. Trechsel, S. *Human Rights in Criminal Proceedings*. Published to Oxford Scholarship, 2006. — P. 32.

Gadjiev H. I.

*Head of the Judicial Practice and Law Enforcement Department,
The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

THE RIGHT TO A FAIR TRIAL AND THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The right to a fair trial occupies such an important place in a democratic society that the European Court of Human Rights (ECHR) has repeatedly stated in its decisions that there are no grounds for a restrictive interpretation of article 6 of the European Convention on Human Rights. Thanks to the guarantees of article 6, the ECHR consistently emphasizes the need to ensure in the practice of national courts the principles of independence and impartiality, competitiveness and equality of the parties, the presumption of innocence. This rule is so comprehensive, covering a variety of aspects of justice, that many decisions of the ECHR are devoted to it.

Key words: human rights; European Court of Human Rights; ECHR; fair trial; judicial decision.

